

Этот договор нерушим.

Этот договор вечен.

...выражая волю Великих Домов, мы решаем отныне и навсегда, под страхом смерти и проклятия, запретить заклинания, сила которых способна уничтожить мир, либо последствия которых непредсказуемы, либо...

...запрещению подлежат заклинания: «Слезы Сердца Земли», «Зов Дьявола», «Песочные Часы», «Аркан Желаний»...

...и память о них должна быть навеки стерта, а всякие знания о них надлежит хранить в особой книге запрещенных заклинаний, дарованной каждому Великому Дому. Книги эти скрепляются печатями всех Великих Домов, и снимать печати должно лишь для того, дабы добавить в книгу новые заклинания, которые главы Великих Домов сочтут запрещенными. Открытие книг должно происходить только в присутствии глав всех Великих Домов, дабы смогли они удостовериться в целостности и подлинности своих печатей...

Любой маг, повинный в строительстве запрещенных заклинаний, будет подвергнут суду Великих Домов.

Любой маг, повинный в распространении знаний о запрещенных заклинаниях, будет подвергнут суду Великих Домов.

Любой маг, повинный в создании заклинаний, принципы которых запрещены, будет подвергнут суду Великих Домов.

Такова воля Великих Домов, скрепленная именами и печатями, и эта воля не может быть изменена потомками ни при каких условиях, ибо в этой воле — согласие и мудрость, ибо в этой воле — будущее и жизнь.

Князь Темного Двора
Королева Зеленого Дома
Великий магистр Ордена

Китайгородская конвенция,
Тайный Город, 1418 год

ПРОЛОГ

— Значит, только кофе, мистер Дуглас-Хьюм? — переспросила Пэгги и улыбнулась так, как по эту сторону Атлантики умела улыбаться только она.

— Два кофе, красавица, — уточнил Бобби, с удовольствием глядя на симпатичную официантку, — сейчас у меня короткая встреча, но позже я обязательно загляну на ланч.

— Как скажете, мистер Дуглас-Хьюм, — снова улыбнулась Пэгги и удалилась, покачивая крутыми бедрами.

Энцо Кончини, хозяин небольшого ресторанчика на Уолл-стрит, свято чтит правила морали — строгая юбка Пэгги доходила до колен, но на то, как мягкая ткань облегает стройные ножки официантки, сбегались посмотреть брокеры из большинства окрестных небоскребов. По самым скромным подсчетам, с появлением Пэгги доходы хитроумного итальянца Кончини удвоились.

Бобби Дуглас-Хьюм провожал взглядом фигуристую официантку до тех пор, пока она не скрылась из виду, затем покачал головой и вытащил из внутреннего кармана пиджака полученный утром конверт.

Розыгрыш? Дурацкая шутка? Или...

Белый прямоугольник дорогой бумаги.

«Уважаемый мистер Дуглас-Хьюм! Спешу довести до Вашего сведения, что мне поручено поставить Вас

в известность относительно последней воли безвременно почившего лорда Рассела Эрла. Специально для этого я прибываю в Нью-Йорк. Пожалуйста, выделите время для встречи. С уважением, Богдан де Ста».

Витиеватая подпись.

Визитная карточка с серебряной монограммой: «Богдан де Ста, Швейцария, Берн, адвокатское бюро Цвиммера».

Письмо было составлено не по форме — не использовались стандартные для американских юристов обороты. Бобби знал это точно, поскольку Сара, его подруга, работала секретаршей в адвокатской конторе и при каждом удобном случае демонстрировала глубочайшие познания в юриспруденции и судопроизводстве. Письмо было составлено совершенно неправильно, но Бобби отнес это на счет иностранного происхождения отправителя. Так же, как сам факт бумажного письма в эпоху Интернета и спутниковой связи. Неужели Сара права и в старушке Европе действительно проблемы с компьютерами? Бедная, отсталая Европа...

Бобби задумчиво повертел бумаги в руках. Несмотря на древние обороты и витиеватый почерк, а скорее всего — благодаря им конверт, письмо и визитная карточка выглядели стильно. Благородно. Бобби представил, как именно писалось это письмо: в большом, обставленном дорогой антикварной мебелью кабинете и обязательно — чернильной ручкой с золотым пером. Европейцы до ужаса старомодны, хотя чего от них ждать, ведь свое главное предназначение они выполнили — открыли Америку — и теперь барахтаются на заднем плане истории. Так обычно говорила Сара, и Бобби не находил причин ей не верить.

Письмо пришло утром, и Бобби успел навести справки — адвокатское бюро Цвиммера было основано сто семьдесят два года назад, и его репутация не вызывала сомнений. Оно считалось одним из самых дорогих на континенте. Что может потребоваться солидному европейскому юристу от скромного нью-йоркского брокера?

«...поставить Вас в известность относительно последней воли безвременного почившего лорда Рассела Эрла...»

Неужели в роду Дуглас-Хьюмов были английские аристократы? Бобби морщил лоб все утро, но ничего такого не вспомнил. Гордостью семьи считался его двоюродный брат, ставший четырнадцать лет назад чемпионом штата Юта в составе школьной бейсбольной команды. Что же касается дворян... Единственное, что пришло в голову Бобби, — это Гамлет в исполнении Мела Гибсона. Но был ли Гамлет англичанином?

— Ваш кофе, мистер Дуглас-Хьюм.

— Спасибо, Пэгги.

Девушка наклонилась, и в течение нескольких мгновений Бобби с привычным удовольствием созерцал в разрезе блузки ее грудь. В этом компоненте Сара здорово проигрывала пышной официантке.

Пэгги удалилась, и Бобби задумчиво сложил бумаги в конверт. Если делами этого Рассела Эрла занимается старинная швейцарская фирма, значит, человеком он был не бедным. Скорее всего — богатым. А может быть — очень богатым. Неужели лорд упомянул его, брокера Дуглас-Хьюма, в своем завещании?

Бобби отхлебнул горячий кофе, обжег нёбо, но даже не почувствовал этого. Все утро он гнал от себя подобные мысли, боясь спугнуть удачу, но сейчас, си-

дя в одиночестве за столиком ресторана Кончини, Бобби не мог противиться им. Наследство, деньги, новая жизнь! Жизнь богатого, уверенного в себе человека, распрощавшегося с бесконечно серыми буднями начинающего брокера. Бобби отдавал себе отчет в своих проблемах: ему далеко за тридцать, а он по-прежнему числится подающим надежды, по-прежнему зависит от глупого толстого Эдвардса, от надоедливых клиентов и требовательного совета директоров. Ворочающиеся миллионами долларов биржевые маклеры казались Бобби небожителями, подлинными хозяевами жизни, и он, мелкий, никому не интересный брокер, дрожал от зависти при одном упоминании о них. Теперь этому конец. Теперь он — лорд Роберт Дуглас-Хьюм. «Безусловно, лорд Дуглас-Хьюм, мы все сделаем, как вы прикажете, лорд Дуглас-Хьюм...» Возможно, он поручит Эдвардсу вести свои дела, брокер он вроде толковый. Бобби улыбнулся и одним глотком допил кофе. Ну где же этот чертов адвокат?

Богдан ле Ста появился в ресторане Кончини ровно в полдень, минута в минуту, и уверенно подошел к столику Бобби. Подтянутый рыжеволосый мужчина с аккуратно подстриженной рыцарской бородкой, он был одет в добротный, английского сукна костюм и держал в руках тоненький кейс.

— Богдан ле Ста.

— Роберт Дуглас-Хьюм.

Мужчины обменялись рукопожатиями, и рыхлую ладошку Бобби сдавили железные тиски адвоката.

«На тренажерах он, что ли, занимается?»

Четко вырезанное лицо Богдана могло бы украсить любой голливудский боевик, и Дуглас-Хьюм почувствовал укол зависти — его собственная физиономия не была столь откровенно мужественна.

— Признаться, я едва не опоздал, — адвокат присел за столик, — в вашем городе ужасные пробки.

По-английски ле Ста говорил с легким акцентом, а его миндалевидные карие глаза внимательно ощупывали Бобби. Американец понял, что его изучают, и улыбнулся:

— Давно в Нью-Йорке?

— Только что из аэропорта и сегодня же отправляюсь обратно в Берн. Я прилетел специально для встречи с вами.

— Ко мне еще никто не прилетал из Европы. — Спокойный голос Бобби ничем не выдавал его крайней заинтересованности. «...прилетел специально для встречи с вами!» — О чем вы хотели поговорить?

Карие глаза ле Ста снова внимательно оглядели американца, и Бобби вдруг увидел, что уши его собеседника лишены мочек.

«Забавно. Может быть, поэтому он носит довольно длинные волосы?»

— Мистер Дуглас-Хьюм, дело, о котором я должен с вами поговорить, удивительно и необычно. Я впервые сталкиваюсь с подобным в своей практике.

— Очень интересно.

Богдан сделал маленький глоток кофе, и на его правом мизинце сверкнула рубиновая капля маленького перстня.

«Небось получил эту побрякушку в какой-нибудь Сорбонне».

— Как я уже сообщал, речь идет о завещании лорда Рассела Эрла. Он скончался две недели назад в одной из частных клиник Берна. Я имею честь быть его душеприказчиком.

— Я не был знаком с этим джентльменом.

— Возможно, вам повезло, мистер Дуглас-Хьюм. К сожалению, лорд Рассел не отличался дружелюби-

ем и имел довольно тяжелый характер. Достаточно сказать, что в своем завещании он не упомянул никого из своих родственников или знакомых. Детей же у лорда Рассела не осталось — единственный сын погиб во время войны в Заливе. Он был летчиком.

— Тяжелая утрата.

— Вы правы. — Богдан сухо кивнул. — Как бы там ни было, у лорда Рассела не осталось ни одного прямого наследника.

Сердце Бобби забилося сильнее:

— А наследство большое?

— Банковские счета, акции, недвижимое, все это оценивается в тридцать пять — сорок миллионов фунтов стерлингов. Минус налоги, разумеется.

А вот теперь Бобби вспотел. Он чувствовал, что не в силах совладать с предвкушением, и его голос предательски задрожал:

— Какое отношение это имеет ко мне?

Богдан ле Ста оставался невозмутим:

— В последние годы лорд Рассел был крайне озабочен фактом приближения смерти. Будучи человеком эксцентричным, он увлекся теорией переселения душ. Вы слышали о ней?

— Не придавал значения. — Небрежность в голосе Бобби ловко маскировала его невежество в данном вопросе.

— Лорд Рассел убедил себя в том, что после смерти его душа переселится в другое тело и таким образом его личность продолжит свое существование. В последнее время он настойчиво искал своего преемника, желая обеспечить тому достойную жизнь. Лорд окружил себя всевозможными медиумами, колдунами, шаманами... ну, вы меня понимаете. В конце концов им удалось вычислить человека, в которого якобы отправится душа старого лорда Рассела.

— Вы хотите, чтобы я в это поверил? — Бобби почти шептал.

Сорок миллионов фунтов стерлингов — это... это почти шестьдесят миллионов долларов! Рубашка Дуглас-Хьюма стала мокрой от пота.

— Господа желают что-нибудь еще? — Красавица Пэгги остановилась и бросила заинтересованный взгляд на мужественное лицо Богдана.

— Чуть позже.

Адвокат даже не удосужился посмотреть на фигуристую девушку. Бобби немного пришел в себя:

— Это невозможно! Так не бывает, мистер ле Ста.

— Я просто рассказываю вам, Роберт, что именно побудило лорда Рассела составить завещание в вашу пользу. — Богдан улыбнулся. — Он считал вас своим преемником.

— Меня?

— Понимаю ваше удивление.

«Лорд Дуглас-Хьюм!»

— Сначала я должен уточнить некоторые вопросы. Вы не против?

«Поместье в Англии и собственная яхта!»

— Конечно, не против! Что именно вас интересует?

Богдан вытащил из кейса лист бумаги:

— Ваше полное имя Роберт Джеймс Дуглас-Хьюм?

— Да.

— Вы родились в Солт-Лейк-Сити, штат Юта, восьмого октября одна тысяча девятьсот шестьдесят четвертого года в десять часов утра и были третьим ребенком в семье?

— Насчет времени точно не скажу, но мама говорила, что я родился утром.

— Точная дата вашего рождения необычайно важна, мистер Дуглас-Хьюм. — Миндалевидные глаза

адвоката уперлись в Бобби. — Вы сможете документально подтвердить ее?

— Если потребуется — конечно.

— Ну хорошо. — Богдан сделал пометку на листе и продолжил допрос: — У вас есть родимое пятно в виде четырехлучевой звезды на левом предплечье?

— Да.

— Замечательно. — Адвокат убрал лист в кейс. — Теперь, согласно условиям завещания, я должен взять у вас кровь на анализ.

— В больнице?

— Можно прямо здесь.

Бобби недоуменно посмотрел на собеседника:

— Не понимаю.

Адвокат смущенно улыбнулся:

— Поверьте, Роберт, для меня эта ситуация не менее странна, чем для вас. Лорд Рассел был увлечен оккультными науками и составил очень точный тест на определение своего наследника. Анализ крови, который он приказал сделать, не имеет ничего общего с обычными медицинскими манипуляциями, он безобиден, крайне прост, но без него я не смогу подтвердить, что вы — именно тот человек, который мне нужен. Лорд был заинтересован, чтобы его состояние перешло в конкретные руки, и для завершения необходимых формальностей мне нужна капелька вашей крови.

Богдан достал из кейса маленькую черную чашку, аккуратно закрытую склянку с прозрачной жидкостью и золотую булавку.

— Вы согласны, Роберт?

Сорок миллионов фунтов стерлингов заставили Бобби глубоко вздохнуть и протянуть вперед правую руку:

— Да.

Богдан ловко уколол безымянный палец американца и выдавил несколько капель крови в чашку.

— Вот и все.

Дуглас-Хьюм болезненно поморщился:

— С детства не любил врачей.

— Я тоже, — рассеянно заметил адвокат.

Богдан осторожно открыл склянку и перелил прозрачную жидкость в чашку. Послышалось тихое шипение, и в воздух поднялся легкий дымок.

— Что это? — зачарованно спросил Бобби.

Смешавшись с его кровью, прозрачная жидкость превратилась в мельчайший белый порошок, отчетливо видный на дне черной чашки.

— Это результат теста.

— И как?

— Замечательно.

«Собственный замок и собственная конюшня!»

Бобби боялся лошадей, но Сара говорила, что у знатного аристократа должна быть своя конюшня. Сара была бы не против того, чтобы стать женой лорда, но... Бобби ухмыльнулся — теперь у него будет широкий выбор.

Адвокат убрал чашку и склянку в кейс.

— Поздравляю, Роберт, вы удачно прошли все тесты, указанные в завещании лорда Рассела Эрла. — Бобби задрожал. — Теперь я могу перейти к основной части наших переговоров. Возьмите.

Ле Ста положил на стол маленькую красную коробочку.

— Это мне?

На бархатной подушечке лежал изящный перстень, украшенный крупным черным бриллиантом.

— Семейное кольцо Расселов. Наденьте его на мизинец левой руки.

Бобби осторожно взял перстень и тщательно натянул его на указанный палец:

— Так подойдет?

— Вполне.

Перстень, казалось, был сделан точно по мерке. Он крепко впился в палец Дуглас-Хьюма, и тому даже почудилось на миг, что снять его уже невозможно. Так оно и было. Бобби попытался сдернуть кольцо — не получилось, потянул за бриллиант — перстень сидел как влитой.

— Я не могу его снять, — с улыбкой пожаловался Дуглас-Хьюм, это еще казалось ему досадным недоумением.

— Перстень изготовлен специально для вас, Роберт, и вы уже не сможете от него избавиться. — Богдан был по-прежнему невозмутим, но в его голосе появились торжествующие нотки.

Американца охватили неприятные предчувствия:

— Что вы имеете в виду?

— Именно то, что сказал. — Рыжеволосый адвокат растянул в усмешке резко очерченные губы, и Бобби с ужасом увидел, что карие глаза собеседника стремительно наливаются зловецим алым светом. — Главная трудность заключалась в том, чтобы ты сам, добровольно, надел перстень.

Черный бриллиант на левой руке американца ярко сверкнул, и в этой вспышке сгорело все: замок, яхта, счет в банке, новая жизнь... Сгорело, оставив после себя только мрачную бездну крошечного осколка черного камня на мизинце Бобби. От обиды и разочарования на глазах Дуглас-Хьюма выступили слезы:

— Зачем ты это затеял, мерзавец?

— Разумеется, не просто так.

— Я ухожу!

И тут Бобби тряхнуло. Не сильно, не грубо, про-

сто пол ушел из-под ног, и американцу показалось, что он проваливается в глубокий и узкий тоннель. Уши заложило, глаза непроизвольно зажмурились, но длились эти ощущения секунду, Бобби даже не успел испугаться.

Когда все закончилось, он стоял на коленях:

— Землетрясение! Надо выйти на улицу!

Холодный голос Богдана снова был лишен каких бы то ни было эмоций:

— Не думаю, что вам это удастся, Роберт. К тому же мы уже на улице.

Дуглас-Хьюм поднялся с колен, огляделся, и тяжелый, сосущий страх сковал его душу. Ресторан Кончини исчез. Столики, барная стойка, фигуристая Пэгги, Уолл-стрит за витриной — все, весь привычный мир неведомым образом изменился, уступив место чужому, незнакомому пространству. Стояла глубокая ночь. Бобби находился в центре довольно большой, не менее двадцати футов в диаметре, круглой площадки, нависающей над рекой. Медленно поворачиваясь, Дуглас-Хьюм заметил высокое, красиво подсвеченное здание с острым шпилем, ведущую к нему широкую аллею посреди парка, но больше внимание американца привлекла другая сторона — обрыв, круто ниспадающий к реке. Там, фактически под его ногами, насколько хватало глаз, лежал огромный, ярко освещенный город. В Нью-Йорке Бобби редко выходил из дому после заката и даже не представлял, насколько красивым может быть ночной мегаполис. Широкие улицы, заполненные призрачным светом, причудливые тени деревьев, преобразившиеся под луной здания. Ночью, когда большая часть жителей сладко посапывает в кроватях, город показывает остальным свою душу.

— Где я? — хрипло спросил Бобби.

— В Москве. — Невозмутимый голос Богдана доносился откуда-то снизу, американец не видел его. — Мы на Воробьевых горах. Высотное здание — университет, чаша под ногами — олимпийский стадион...

— Но как, черт возьми, — оборвал адвоката Бобби, — как я здесь оказался?!

Он опустил глаза и с удивлением уставился себе под ноги. Площадка, на которой стоял американец, была сделана из черного камня, слабо освещалась тремя факелами, а на ее поверхности были вырезаны многочисленные руны, образующие расходящуюся из центра спираль.

— Как я здесь оказался? — упавшим голосом повторил Бобби.

— Ты должен был здесь оказаться. Судьба вела тебя.

Зловещий перстень впился в палец, и черный бриллиант пронзительно засверкал.

— Это сон! Это просто сон! — Бобби попытался сделать шаг, спрыгнуть с площадки, но не смог. Непонятная сила крепко удерживала его точно в центре рунического круга. — Оставьте меня в покое!

— Тебе не повезло, Роберт, ты появился на свет не в том месте и не в то время.

Голос прозвучал совсем близко, Бобби повернулся и вскрикнул. Человек перед ним был одет в бордовый свободно ниспадающий до самых пят балахон, расшитый золотыми рунами. Голову Богдана украшал массивный рогатый шлем, покрытый замысловатым узором, из-под которого Бобби видел только нижнюю челюсть и рыцарскую бородку, из глазниц шлема вырывалось зловещее пламя. Американца стала бить крупная дрожь.

— Отпустите меня! Я позову полицию!

— Тебя никто не услышит. — Богдан усмехнулся, и на его груди качнулась толстая золотая цепь, укра-

шенная крупным медальоном. — Прими свою смерть достойно, Роберт. Никому не должно быть стыдно за свои последние минуты.

— Возьмите все, деньги, машину, все, что вам нужно.

— Мне нужна твоя жизнь, Роберт, и ничего больше. Раздевайся.

— Что?

— Раздевайся, — повторил Богдан. — Снимай одежду.

— Я не буду! — зарыдал Бобби. — Не буду!

Ле Ста молча вытащил из-за пояса прямой кинжал и срезал с Бобби одежду.

— Отпустите меня, пожалуйста, отпустите.

Покончив с одеждой и отбросив ее ногой за пределы круга, Богдан вернул кинжал за пояс, в его руке появилось раскаленное клеймо.

— Жизнь — это череда желаний, и только одно из них неподвластно нам — смерть. — Богдан говорил не по-английски, и Бобби не понимал ни слова. — Я требую смерть этой жертвы в пользу своих желаний. — Руны на черном камне площадки начали литься алым. — Смерть этой жертвы — моя, и печать Аркана, поставленная на Престоле Силы, подтверждает это.

Раскаленный металл впился в тело Бобби, и Дуглас-Хьюм закричал от невыносимой боли. Кровь, пот, слезы смешались на его обнаженном теле. Факелы ярко вспыхнули.

— Эта жертва — лишь капля крови! Эта кровь — лишь звено цепи! Эта цепь — лишь часть Аркана Желаний! — Голос Богдана грохотал в ночной тишине. — Я приказываю взять эту кровь и наполнить ею меч!

Алое сияние из глазниц шлема окутало Бобби, блестящий клинок вспорол его грудь, омылся пото-

ком горячей крови, черный бриллиант засверкал, вбирая в себя уходящую силу жертвы, пламя факелов разрослось, заключив Престол Силы в сплошное огненное кольцо, внутри которого пылала руническая спираль. Что-то пришло в движение, что-то проснулось, сдвинулось с места и нехотя подчинилось воле Богдана. Американец чувствовал, как его жизнь растекается по зловещей рунической спирали. Ле Ста поднес к ране на груди Бобби золотую чашу.

— Кровь жертвы скрепит меч и вершителя.

Богдан жадно выпил теплую кровь и вытер губы.

— Вытяни вперед левую руку.

Против воли Бобби его рука медленно поднялась. Колдун спокойно взялся за ладонь и одним взмахом кинжала отсек кисть с яростно сверкающим перстнем.

— Двенадцатая жертва принесена! Властью вершителя Аркана Желаний я приказываю замкнуть Большой Круг!

Мертвый Бобби рухнул на черную каменную площадку.

Богдан вскинул руки, и огонь завертелся вокруг них, превратившись сначала в пылающий шар, затем во все уменьшающуюся воронку и, наконец, в малюсенькую звездочку, растаявшую между рогами масливного шлема. Руны успокоились, их алое сияние исчезло, факелы погасли, и теперь Престол Силы освещали только луна да отблески раскинувшегося вокруг мегаполиса.

Колдун рывком поднял мертвое тело американца, повелительно щелкнул пальцами, и прямо перед ним образовался темно-красный вихрь. Богдан швырнул труп в его центр:

— Отправляйся домой, приятель.

— И два кофе, — повторила Пэгги, записывая очередной заказ.

— И твоя милая улыбка, красавица! — Толстый брокер обернулся к своему очкастому спутнику: — Это самая красивая официантка в Нью-Йорке, клянись Доу—Джонсом!

— Согласен, — кивнул тот, — кстати, о Доу—Джонсе...

Но что очкарик думает об индексе, толстяк не узнал. Ужасный крик Пэгги наполнил зал ресторана Кончини. Пронзительный, душераздирающий вопль.

На полу около дальнего столика лежал абсолютно голый, окровавленный мужчина.

Вихрь растаял сразу же после того, как поглотил мертвое тело. Богдан устало снял шлем и вытер рукой потный лоб. Само по себе жертвоприношение не отнимало много сил, но колоссальная энергия уходила на строительство межконтинентальных порталов, что было очень трудоемкой работой даже для опытного мага. К счастью, Большой Круг завершен, и следующие жертвы не будут доставлять столько хлопот. Богдан снова потер лоб. За последние месяцы он много путешествовал, в городе бывал урывками, мало спал, и накопленная усталость давала о себе знать, он чувствовал, что здорово ослаб. К счастью, технология Аркана Желаний предусматривала небольшую паузу перед Малым Кругом, так что время на отдых у него будет.

Колдун спустился на маленькую площадку под Престолом Силы и стал медленно раздеваться, его чуточку пошатывало. Рогатый шлем отправился на полку, тяжелая цепь с медальоном — в бархатный мешочек, заботливо протертый прямой кинжал — в специальный деревянный ящичек. Он снял и аккумуля

ратно сложил бордовый балахон, под которым оказался строгий костюм английского сукна, надел на руку золотые часы и посмотрел время — все шло точно по графику.

Когда Богдан покинул Престол Силы и вышел на пустынную смотровую площадку Воробьевых гор, около него мягко притормозил бордовый «Линкольн».

— Вы кого-то ждете? — осведомилась сидящая за рулем брюнетка.

— Самую красивую женщину Тайного Города.

— Я могу отвезти вас к ней.

— Я уже нашел ее.

Богдан бросил кейс на заднее сиденье, сел в машину и потянулся к девушке.

— Я соскучился по тебе, любимая, я ужасно соскучился.

ГЛАВА 1

Государственная дума встает на защиту свободы слова! Несмотря на противодействие левых, новый федеральный закон «О телекоммуникациях», вызвавший неоднозначную реакцию в обществе, возвращен на доработку. Напомним, что согласно этому законопроекту федеральные власти получают дополнительные права по надзору за электронными средствами связи, и в первую очередь за Интернетом...» («Коммерсантъ»)

«Что стоит за неслыханной активностью черных морян? Последние две недели мы наблюдаем необъяснимый наплыв оборотней в город, и уже сейчас их количество вдвое превышает разрешенное для этого времени года. Присутствие такого числа непредсказуемых черных морян в Тайном Городе заставляет граждан задуматься: способен ли Зеленый Дом держать своих монстров под контролем или пора вернуться к их лицензированному отстрелу?...» («Тиградком»)

* * *

Бар «Три педали».
Москва, улица Большая Дмитровка,
15 сентября, пятница, 19.57

— И вот представьте: я лежу под кроватью и наблюдаю, как ее стройные ножки заталкивают туда же мою одежду. Какие ножки, да прославится в ве-

ках их обладательница! Кожа — бархат, бедра стройные, тупельки на шпильке, икры подобрались... на Линде к этому времени только тупельки и остались. — Конец причмокнул и блаженно прикрыл маленькие сальные глазки.

— А на тебе? — нетерпеливо спросил Артем.

— На мне? — Мурций удивленно посмотрел на наемника. — За кого ты меня принимаешь, чел? На мне вообще ничего! Я голый! Под кроватью! А в спальне вот-вот появится его превосходительство Вальдемар Балота, магистр ложки Саламандры, Спящий его заberi! Угроздило же рыцаря вернуться домой в такое неподходящее время.

Несмотря на то что главными забияками Великого Дома Чудь считались рыцари ложки Мечей, встреча в подобной обстановке с «рассудительным» рыцарем из ложки Саламандры не предвещала ничего хорошего. Ни один третейский судья не стал бы расследовать скоропостижную смерть неудачливого любовника жены магистра.

— Ты не обложился со страху? — Кортес лениво глотнул коньяк.

— Нет, но был близок к этому, — честно признался конец. — У магистра даже в спальне висит двуручный меч. И еще какие-то железяки, и ни одного зеркала, клянусь желаниями Спящего! Как он с такой красавицей управляется — ума не приложу.

Наемники ухмыльнулись.

— А что было дальше?

— Я лежу под кроватью и думаю: сейчас магистр заглянет ко мне, потом сдернет со стены что-нибудь острое — и до свидания, Мурций Чейз, передавай привет Спящему. — Управляющий бара «Три педали» почесал лысую голову и озорно улыбнулся. Как и все концы, он не представлял свою жизнь без любов-

ных интрижек. — Шаги за дверь становятся все отчетливее, а Линда шепчет: «Дорогой, я ничего не забыла?» А я никак не вспомню, сколько колец на мне было, семь или восемь. — Наемники посмотрели на обильно украшенные перстнями пальцы Мурция и снова ухмыльнулись: тяга к дорогим побрякушкам стояла у концов на втором месте после тяги к женщинам. — И вообще не знаю, что делать: считать кольца, натягивать трусы или писать завещание? Ужас сковал мои члены, а перед глазами мелькали стройные ножки... Линда небрежно набрасывает на кровать покрывало, и тут входит господин магистр, да прославится в веках его доверие к жене. «Любимая, я так соскучился...» — «Любимый, я так тебя ждала...» Сю-сю-сю, сю-сю-сю... Я, весь в пыли, под кроватью, чуть не умираю от желания — ждала-то она меня, клянусь похотью Спящего! Где на свете справедливость?

Наемники захохотали. Распаленный конец пригубил вина и продолжил:

— Пытаюсь надеть трусы, и тут матрац прогибается под телом господина магистра, да прославится в веках его хороший аппетит, меня придавливает к полу, ну а дальше — вы понимаете — начинаются настоящие скачки с препятствиями. Я думал, меня размажет по паркету.

— А как ты оттуда выбрался? — спросил Артем.

— Это было просто. Когда господин магистр отправился в ванную, да прославится в веках его чистоплотность, я быстренько соорудил портал и нырнул прямо в свою машину, которую припарковал в двух кварталах от дома. Так и выбрался.

— А что с Линдой?

— Будем созваниваться, — рассеянно ответил Мурций. — В конце концов, я многое не успел, но даже,

несмотря на это маленькое приключение, впечатления у меня остались самые приятные.

— Говорят, Вальдемар Балота несдержан в гневе...

— А у кого из нас достойный характер?

— А чего тебя потянуло на жену магистра? —

Кортеса интересовали более глобальные вопросы. — Острых ощущений захотелось?

— Зов природы, — пожал плечами Мурций. — Я ее увидел в «Ящерице» два месяца назад и с тех пор не находил себе места. Я должен был это сделать!

— Вы, концы, как красивую женщину увидите — башку теряете. — Артем и Кортес были челами, но в Тайном Городе держались уверенно и могли позволить себе поучительный тон. — Ради женщины готовы на любую глупость.

— А ради чего жить-то? — улыбнулся Мурций. — В политику мы не лезем, пусть этим Великие Дома занимаются, к военным действиям не приспособлены, финансы крутить скучно, вот и спасаемся от беспробудного пьянства по мере сил.

В этом конце был абсолютно прав. Структура Тайного Города была выстроена давно: Великие Дома правили бал, шасы занимались торговлей и финансами, Красные Шапки грабили, эрлийцы лечили, а небольшая семья концов (ее точное название затерялось в веках), прибрав к рукам прибыльный шоу-бизнес, помогала честным гражданам прожигать жизнь. О любвеобильности лысых весельчаков ходили легенды.

— Откуда столько сил берете?

— А это наша единственная семейная тайна. — Конец хитро заулыбался, и его маленькие глазки скрылись в румяных щечках. — И многие великие воины были бы не прочь узнать или даже украсть ее,

да прославится в веках их любопытство! Но мы стойко бережем свою тайну, ибо в ней — смысл.

— Смысл чего?

— Всего!

— Мурций, иди к нам! — Собеседники обернулись — один из столиков бара оккупировали четыре прекрасные светловолосые феи, молодые кодуны из Великого Дома Людь. — Мурций, мы ждем!

Конец плотоядно улыбнулся:

— Извините, господа, пора вернуться к служебным обязанностям. — Он отлип от барной стойки, сполз с высокого табурета и позвал бармена. — Гонций, налей моим друзьям по стаканчику их любимого, за счет заведения.

— Не переусердствуй с феями, — посоветовал Артем.

— Меня спасает семейная тайна!

Мурций не спеша направился к девушкам, а наемники подняли бокалы:

— За то, чтобы нам никогда не потребовалась семейная тайна концов!

Вернув бокал на стойку, Артем огляделся. Посетителей в «Трех педалях» было немного. Кроме шумной компании фей за столиками сидели два шаса в строгих костюмах, обсуждающих, судя по разложенным бумагам, сложнейшие финансовые вопросы, маленькая кучка Красных Шапок и молодой виконтлюд с симпатичной спутницей. Мурций был большим любителем автоспорта, и бар «Три педали» был выдержан в соответствующем стиле: руль Проста, шлем Шумахера, комбинезон Жиля Вильнева, сверкающий болид «Феррари» в дальнем углу и многочисленные экраны, готовые транслировать соревнования из любого уголка планеты, — Мурций не

замыкался только на «Формуле-1», и в дни любых гонок «Три педали» наполнялись под завязку.

— Почему женщины любят концов? — поинтересовался Артем, глядя, как феи защебетали вокруг Мурция. — Маленьких, лысых...

Кортес повел широкими плечами:

— У них необыкновенная легкость мыслей. Не напрягают.

Судя по всему, наемник был не в настроении. Он пригладил короткие каштановые волосы, провел рукой по шее, и при этом его обычно невозмутимые карие глаза были чуточку грустны. Артем уже достаточно хорошо изучил напарника, чтобы уловить некоторое напряжение.

— Какие планы на вечер?

— Да особо никаких нет. — Кортес помолчал и неожиданно перевел разговор в другое русло. — Ты приготовил подарок Яне?

— Естественно. Ее день рождения уже завтра.

— Хорошо.

Кортес снова замолчал, и Артем наконец догадался, что угнетает его напарника. Он по-прежнему не знает, что подарить девушке. Черноволосая Яна, ослепительная красавица и прекрасный снайпер, была их деловым партнером, но в последнее время между ней и Кортесом установились более чем близкие отношения. Артем про себя улыбнулся нерешительности опытного наемника и постучал по стойке. Гонций мгновенно выставил очередной бокал. Кортес повертел в руках свой коньяк и вернулся к интересующей его теме:

— Ну и что ты приготовил?

— Где?

— Что ты решил подарить Яне?

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	7
Глава 1	23
Глава 2	55
Глава 3	85
Глава 4	108
Глава 5	141
Глава 6	170
Глава 7	199
Глава 8	237
Глава 9	278
Глава 10	311
Глава 11	342
Глава 12	364
Эпилог	400